

В.В. Прокопенкова

Восточные поэмы Дж.Г. Байрона и их переложения в оценке русской критики первой четверти XIX века

Статья посвящена обзорному исследованию публикаций в отечественных периодических изданиях 1820-х годов, содержащих первые оценочные суждения о Восточных поэмах Дж. Г. Байрона и их переводах. На основании проведённого в статье анализа ранних критических материалов о Байроне выявляются основные особенности рецепции произведений английского поэта на русской почве.

The following article is a critical survey of the reviews, published in Russian periodicals in the 1820s, containing judgments about G. Byron's Oriental tales and their prose translations. The analysis of early critical reviews leads further to identify the main features of the perception of Byron's works in Russia.

Ключевые слова: Дж.Г. Байрон; Восточные поэмы; прозаические переложения; критическая оценка.

Keywords: G. Byron; Oriental tales; prose adaptations; critical perception.

В отечественной литературной критике первой четверти XIX века оценочные суждения о творчестве Байрона начинают встречаться приблизительно с первой половины 1820-х годов. Им предшествуют краткие биографические заметки об английском поэте, не содержавшие сколько-нибудь серьёзного критического анализа. По свидетельству В.И. Кулешова, самое раннее упоминание о Байроне «в русской печати появилось в 1815 году в первом журнале “Российский музей”» [8]. Помимо сообщения о выходе в свет поэмы «Корсар» в издании был помещён отзыв об этом произведении, включавший краткое сопоставление оригинального текста и прозаического перевода.

Одной из главных причин отсутствия подробных материалов о творчестве Байрона в целом и о Восточных поэмах в частности в России второй половины 1810-х годов можно считать непопулярность английского языка среди читающего населения страны. Однако рост интереса русских читателей к творчеству поэта сдерживался также другими обстоятельствами. В 1810-е годы произведения Байрона приобрели широкую известность в Европе благодаря своей романтической направленности: воспеванию героя-одиночки — бунтаря, противопоставившего себя всему миру. Между тем в это время в России романтизм как литературное течение ещё не сформировался окончательно. Рассматривая литературную ситуацию 1800–1810-х годов в нашей стране, следует скорее говорить о преромантизме — явлении, уже усвоившем веяния европейского романтического течения, но ещё не утратившем осязательную связь с сентиментализмом. Несколькими годами

позже эти черты отчётливо проявят себя в первых прозаических переложениях Восточных поэм Байрона на русский язык.

Большинство произведений Байрона в 1820-е годы становится известно российскому читателю и приобретает невероятную популярность благодаря французским переводам оригинального текста. Именно поэтому в первых критических заметках о творчестве Байрона внимание авторов будет направлено лишь на французские переводы Байрона и переводы с французского, тогда как оригинальный текст байроновских произведений будет оставлен далеко в стороне, в связи с чем появится немало спорных и даже ошибочных, но вместе с тем смелых и оригинальных мнений об английском поэте и героях его Восточных поэм.

Так, в № 11 «Вестника Европы» за 1820 год можно прочесть следующее утверждение: «...прозаические же его (Байрона) повести и романы приняты в Париже очень благосклонно» [4: с. 238]. Эта фраза свидетельствует о разделяемом переводчиком статьи популярном заблуждении относительно прозаической формы «восточных повестей» Байрона. Такое мнение могло возникнуть лишь благодаря публикации прозаических вариантов крупных произведений поэта в сборнике французских переводов.

Эволюцию суждений отечественных критиков о переводах байроновских поэм можно условно разделить на несколько этапов. Первый этап — ознакомительный. Второй — постепенное формирование более или менее целостного представления о творчестве поэта сквозь призму французских переводов и первоначальная оценка поэзии Байрона на основе последних. На третьем этапе внимание критиков переключается уже непосредственно на русские переводы байроновских поэм (пусть даже выполненные не с оригинала). В дальнейшем это позволит сформироваться не только более глубоким оценкам произведений поэта, но и повлечёт за собой целую волну стихотворных переводов, в том числе и Восточных поэм, в большей степени ориентированных на первоисточник и потому, несмотря на своеобразие творческого решения, не теряющих связи с оригинальным текстом.

Как уже было сказано, в первых критических статьях о творчестве Байрона внимание авторов было сосредоточено на французском издании произведений поэта, подготовленном А. Пишо. В 1820 году журнал «Вестник Европы» публикует ряд небольших заметок, содержащих краткие характеристики особенностей этого сборника. В 11 номере помимо сообщения о выходе книги приводится также весьма любопытное замечание: «Французские критики отдадут справедливость оригинальному таланту сего знаменитого Писателя; но видят в нём также и весьма много странностей, много недостатков. В некоторых местах нельзя не удивиться силе и блеску его слога, равно как и редкой чувствительности сердца; зато уже сочинения Байрона со стороны плана и согласного расположения частей вообще весьма недостаточны» [4: с. 238]. Легко заметить, что последнее суждение является данью классицистическому вкусу и требованиям классицизма, ещё сохранявшим влияние на французскую критику начала 1820-х годов.

В 16 номере журнала отзывы о повторном французском издании приобретают восторженный оттенок: «Сочинения сего лорда чрезвычайно полюбились французской публике, и перевод их вышел уже вторым изданием в Париже, спустя несколько месяцев после первого» [5: с. 311]. При этом издатель вновь публикует более чем благожелательное высказывание о Байроне.

В 1821 году, уже после публикации русских прозаических переложений ряда Восточных поэм, «Вестник Европы» помещает в № 23 сразу две развёрнутые статьи, посвящённые исследованию творчества Байрона. Одна из них озаглавлена «Мнение француза о лорде Байроне», вторая — «Другое мнение о лорде Байроне».

Названные статьи привлекают к себе внимание благодаря широкому охвату материала: от биографических сведений об английском поэте до попытки оценить своеобразие переводов его произведений и определить особенности характеристики главных героев Восточных поэм. Нас, однако, не должно удивлять, что в упомянутых рецензиях нередко встречаются утверждения, не вполне соответствующие действительности. Так, например, в первой статье Байрон назван «любимым в Англии поэтом» [6: с. 200], хотя отношения автора Восточных поэм с английской читающей публикой складывались к этому времени весьма непросто.

Констатируя в целом весьма поверхностный подход рецензентов к обзору творчества Байрона, мы тем не менее можем обнаружить в обеих статьях несколько интересных замечаний относительно переводов произведений поэта. В первой заметке неназванный автор утверждает, что произведения Байрона «переводить до чрезвычайности трудно» [6: с. 200]. В «Другом мнении о лорде Байроне» знакомство с переводами становится основанием для критики творческой деятельности самого поэта: «Чтобы лучше почувствовать несовершенства стихотворений Байрона, взглянем только на французский перевод его сочинений. Везде видим недостаток связи, недостаток, несносный в нашем языке <...>» [3: с. 215].

Характеризуя недавно появившиеся в русском прозаическом переводе Восточные поэмы, автор «Другого мнения...» отмечает одну из отличительных особенностей байроновских «повестей» — фрагментарность, которая, по его мнению, является одним из наиболее существенных недостатков произведений английского поэта. Реализуясь как непоследовательность в изображении событий, она придаёт «прерывистый» характер сюжету, что не соответствует привычным (классицистическим) представлениям о повествовательной форме: «В поэмах Байрона нет плана <...> Рассказывает какую-нибудь повесть, или путешествие, прибавляет описания, идет к своей цели, достигает ее, даже и не вспомнивши о том, что читателю нужно представить целое, без которого повесть не может быть произведением изящной поэзии, ибо где нет начала, продолжения и конца, там нет поэмы <...>» [3: с. 216].

Отчётливо прослеживается в названных статьях желание неизвестных критиков отождествить личность Байрона с героями его произведений — мысль, определившая суждения русских читателей о Байроне на несколько лет вперёд — в течение всего периода увлечения творчеством английского поэта в России. Так, в «Мнении...» можно прочесть следующее: «При одном лишь

быстром взгляде на сочинения Байрона сказывается влияние жизни на талант его, и влияние собственных страстей на его славу. На каждой странице видим поэта в его героях: Лара, Чайльд-Гарольд, Манфред — все представляет нам самого Байрона; все дышит несчастьем и гением в оных поэмах, отчаянием порожденных» [6: с. 211]. В другой статье та же мысль передана более обобщённо, сопровождаясь заметками о преобладающем умонастроении поэта, наложившем печать на его характер и творчество: «Правда, что все повести его происходят из одной мысли, но из мысли новой и глубокой. Если позволено судить о характере автора в его творениях, то в Байроне увидим мизантропа, скучающего при виде общественного человека <...>» [3: с. 218].

Тенденция к отождествлению автора с героями его поэм порой ведёт рецензентов к прямому переносу характеристик, данных Байроном его персонажам, на личность самого поэта. Перечисляя определяющие черты байроновской поэзии, так называемый «француз», в частности, замечает: «Постигнуть невозможно, с каким намерением захотел он для очарованных читателей своих соединять в одном сердце великие добродетели с великими злодействами» [6: с. 212]. Заключительные слова этой фразы могут быть соотнесены с финальными строками из поэмы «Корсар», характеризующими центрального героя: «Он будет жить в преданиях семейств // С одной любовью, с тысячью злодейств» [1: с. 418] (перевод Г. Шенгели). С большой долей вероятности можно утверждать, что автор статьи был знаком с французским переложением «Корсара», несколькими годами позже переведённым на русский язык А.Ф. Воейковым, и воспользовался финальной фразой, вложив в неё новый смысл. В переводе Воейкова, довольно близко соответствующем французскому источнику, она будет звучать так: «Для будущих времен осталось одно имя Корсара, который между тысячью преступлений сохранил одну добродетель» [2: с. 28]. Характерно при этом, что мысль критика по форме более близка к прозаическому переложению «Корсара» и его русской версии, нежели к оригиналу и опирающемуся на него литературному переводу XX века.

Несмотря на многочисленные неточности, обе статьи из «Вестника Европы» содержат немало объективных суждений о Восточных поэмах, а значит, по праву могут рассматриваться в ряду первых образцов литературной критики творчества Байрона, опубликованных на страницах отечественных периодических изданий. Рецензентами в целом верно подмечено общее настроение байроновской поэзии, названное «горестной меланхолией» в сочетании с «сатирической мизантропией». В изображении героев Восточных поэм выделяется одна сходная черта (действительно им присущая) — противопоставление героя окружающему миру: «Славу лорда Байрона можно объяснить не иным чем, как физиономиею, какую делает он своим лицам <...> То изображает он человека, знаменитого породою, из ненависти к людям сделавшегося морским разбойником, воюющего против общества не ради подлой корысти, не для удовлетворения страстей постыдных, но из ненависти к тому же обществу, единственно движимого мщением» [3: с. 219]. Также заслугой первых критиков можно считать выделение центрального произведения цикла — «Корсар» в качестве образцовой модели байроновской «восточной»

поэмы, а её главного героя, Конрада, в качестве «архетипа» байроновского героя: «Джяур, Селим из “Абидосской невесты”, Гарольд в поэме сего же имени <...> Мазепа более или менее сходны с характером Корсара» [3: с. 219–220].

Подводя итоги первому этапу критического освоения поэзии Байрона на русской почве, ещё раз отметим, что в первых отечественных заметках о творчестве поэта преобладают анонимные отзывы «французских редакторов». Самостоятельные суждения о байроновской поэзии практически не встречаются или теряются на фоне абстрактно-положительных характеристик, отражающих «общее» мнение публики и сочетающихся с пристрастной критикой композиции и содержания Восточных поэм, пронизанной классицистическими критериями совершенства.

Оценки самих прозаических переложений появляются позже, когда популярность последних падает, и их начинают теснить стихотворные переводы, сохраняющие метрические особенности подлинника. Одну из таких оценок обнаруживаем во вступительном слове Н.А. Полевого (1826) к публикации поэтического перевода «Абидосской невесты», выполненного И. Козловым. В этой рецензии помимо детального сопоставления оригинального текста и перевода обращает на себя внимание резкое противопоставление стихотворного переложения предшествующим прозаическим переводам: «Собственно русской публике Байрон доньше известен был только по переводу некоторых мелких его творений и по переводу “Шильонского узника” Жуковским, — замечает критик. — О переводах Байроновых сочинений прозою в русских журналах с французской прозы упоминать нечего: это (с весьма немногими исключениями) выродки, которых не должен читать тот, кто хочет иметь подходящее к истинному понятие о Байроне» [7: с. 187].

Как следует из этого высказывания, Н.А. Полевой не приемлет прозаических переложений байроновских поэм. Такое неприятие объясняется им достаточно просто: по мнению критика, читатель не может составить о писателе целостное представление по переложениям, которые искажают подлинный текст, вводя в заблуждение относительно его формы. Н.А. Полевой, таким образом, ставит перед русскими переводчиками новую задачу — задачу адекватного (в рамках национальной традиции) воспроизведения литературной формы сочинений Байрона. В этом отношении французские переложения (и их русские версии) не могли удовлетворить критика, так как в условиях своего времени выполняли более скромную функцию — функцию первичного ознакомления читателя с содержанием и образно-стилистическими особенностями инокультурного текста, что и определило их отрицательную оценку Н.А. Полевым. Вместе с тем следует помнить, что, подходя к прозаическим переложениям с критериями оценки литературного перевода, Н.А. Полевой абстрагировался от практических функций названных текстов в культуре первой четверти XIX века, и это помешало ему признать их культурно-просветительское значение.

В целом анализ первых критических материалов о творчестве Дж.Г. Байрона в отечественных периодических журналах позволяет выявить характерные

особенности первоначального восприятия личности английского автора и его произведений в России. К этим особенностям следует отнести представление о сходстве личности поэта и характеров его героев, а также мнение об однотипности персонажей и однородности настроения поэм, пронизанных «горестной меланхолией» и «ненавистью к обществу». Одновременно журнальные оценки середины 1820-х годов показывают рост потребности в переводах, более точно воспроизводящих литературную форму байроновских поэм, что выражается в резком изменении отношения к прозаическим переводам. Если ранее критики удовлетворялись тем впечатлением, которое давали о творчестве Байрона французские прозаические версии, оценивая на основании последних художественные достоинства и « пороки » оригинала, то уже к 1826 году в отечественной критике прочно утверждается мнение о недостаточности переводов-посредников для обретения « истинного понятия о Байроне ». С этого момента в истории восприятия байроновских поэм на русской почве начинается новый период.

Библиографический список

Источники

1. *Байрон Дж.Г.* Стихотворения, поэмы, драматургия. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. 832 с.
2. *Воейков А.Ф.* Корсар // *Новости литературы.* 1826. № 1. С. 1–28.
3. Другое мнение о лорде Бейроне // *Вестник Европы* / Под ред. М. Т. Каченовского. 1821. № 23. С. 213–221.
4. Краткие выписки, известия и замечания // *Вестник Европы* / Под ред. М.Т. Каченовского. 1820. № 11. С. 238–239.
5. Краткие выписки, известия и замечания // *Вестник Европы* / Под ред. М.Т. Каченовского. 1820. № 16. С. 311–312.
6. Мнение француза о лорде Бейроне // *Вестник Европы* / Под ред. М.Т. Каченовского. 1821. № 23. С. 199–213.
7. *Полевой Н.А.* «Невеста Абидосская». Турецкая повесть лорда Байрона // *Московский телеграф.* 1826. № 23. С. 187–194.

Литература

8. *Кулешов В.И.* История русской литературы XIX века. М., 2003 // URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook049/01/part-006.htm>, свободный.

References

Istochniki

1. *Bajron Dzh.G.* Stixotvoreinya, poe'my', dramaturgiya. M.: RIPOL KLASSIK, 2002. 832 s.
2. *Voejkov A.F.* Korsar // *Novosti literatury'*. 1826. № 1. S. 1–28.
3. *Drugoe mnenie o lorde Bejrone* // *Vestnik Evropy'* / Pod red. M.T. Kachenovskogo. 1821. № 23. S. 213–221.
4. *Kratkie vy'piski, izvestiya i zamechaniya* // *Vestnik Evropy'* / Pod red. M.T. Kachenovskogo. 1820. № 11. S. 238–239.

5. Kratkie vy'piski, izvestiya i zamechaniya // Vestnik Evropy' / Pod red. M.T. Kachenovskogo. 1820. № 16. S. 311–312.
6. Mnenie franczuza o lorde Bejrone // Vestnik Evropy' / Pod red. M.T. Kachenovskogo. 1821. № 23. S. 199–213.
7. Polevoj N.A. «Nevesta Abidoskaya». Tureczkaya povest' lorda Bajrona // Moskovskij telegraf. 1826. № 23. S. 187–194.

Literatura

8. Kuleshov V.I. Istoriya russkoj literatury' XIX veka. M., 2003 // URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook049/01/part-006.htm>, svobodny'j. E'lektron. versiya pech. izd.